

ПИСАЛОСЬ "ДЛЯ СЕБЯ" — НАПИСАНО ДЛЯ НАС

Очень сильное и очень личное впечатление осталось у меня от книги Ирины Шайкевич "ДОРОЖЕ МНОГИХ РАДОСТЕЙ", составленной из ее дневниковых записей, писем к близкой родственнице и воспоминаний друзей, коллег. Думаю, что это — история таланта, не захотевшего или не рискнувшего развернуться со всей своей искренностью в публичной театральной критике советского периода. Хотя, может, она не стала бы выносите на суд широкого читателя свои через сердце пропущенные театральные заметки и в другие времена, и при любом режиме, может, это просто особенность личности... Не знаю.

О том, что Ира Шайкевич — замечательно интересный собеседник, знаток театра — помимо не часто публикуемых суховатых газетных рецензий, пишет свои удивительные театральные заметки, я узнала еще в семидесятые годы. Как-то, после поездки в Москву, рассказывая о столичных театральных впечатлениях, Ира протянула мне толстую тетрадь, указав: можно прочитать отсюда и до сих пор... Я прочтала — и ахнула: спектакль предстал передо мною, как только что увиденный, а личные ассоциации и размышления автора были не просто интересными, они волновали. "Ира! Почему же не написать так для газеты?" — от всей души изумилась я. И услышала спокойное, с улыбкой, но не допускающее дальнейших споров: "Нет, для газеты я так не могу, это только для себя".

Это были семидесятые, время расцвета публицистики в театральной критике. Время Натальи Крымовой, Юрия Свободина... Время прекрасного московского журнала "Театр", где гортанно талантливых людей изливалась в театральных рецензиях свои мысли не только о том, что видела на сцене, но и о том, что происходило с нами в жизни: порой идя за постановщиком спектакля, порой и приписывая ему глубины, на какие тот не замаскировался. Безусловно, то была авторская, личностная, неформальная, не официальная критика, ее орудием часто был тот же эзопов язык, каким пользовалась сатира тех времен, наш знаменитый юмор, понятный только нам. То есть умение высказать крамольную мысль так,

чтобы всем было понятно, но никто из тех, кому дано запрещать, не решился бы сказать, что понял. Я молилась на этих критиков, у них училась, я была уверена, что можно написать все, что хочешь, если уметь писать! И не понимала, что же не позволяет раскрепоститься Ирине.

Сегодня вижу это иначе. Дело не в степени раскрепощенности и мастерства. Дело в степени интимности. Записи в ее дневнике — это исповедь влюбленной души, проникающей в святая святых своей любви..

Интересны эти записи еще и тем, что в них портреты любимых артистов — не только сценические, но и "домашние", ведь многие из них становились своими в гостеприимной квартире на Ольгиевской. Привечали их здесь "всем домом" — Борис Александрович Шайкевич и Берта Яковлевна Барская, их дочери Ирина и Янина, а потом и семья Янины — ее муж и дети... Характерно, что никому из авторов воспоминаний не пришло в голову назвать квартиру Шайкевичей "салон", даже в кавычках. Потому что здесь не коллекционировали знаменитостей, не развлекались общением с интересными людьми — здесь их привечали за талант и высокие человеческие качества, которые умели безошибочно разглядеть. А о тех, кто становился друзьями, заботились, как о родных, переживали и радовались за них всю жизнь. Они появлялись здесь спустя годы — во время гастролей, съемок, по дороге в Крым или на Кавказ, пополняя впечатление от своих незаурядных личностей... Ира, как и все обитатели этой квартиры, умела дружить долго, искренне и деликатно. Вот одна из таких дружб — с актером, которого Ирина открыла для себя задолго до его всесоюзной славы:

"1966. И вот — встреча с новым для Одессы театром — Ереванским русским театром им. Станиславского... Есть в этом театре один актер — Армен Борисович Джигарханяна, 31 года от роду, уже Заслуженный. Невелик ростом, приземист, широкоплеч... Лицо умное, но не очень доброе. Внешне — типичный современный молодой человек: физик, врач, преподаватель, любой специальности начинающий ученый,

инженер — только не актер. В жизни умен, образован, интеллигентен, мыслит самостоятельно, есть сложившаяся система взглядов. Ничего не скажешь — личность! Впервые видела его в спектакле "Двое на качелях". Смотрю уже четвертые "качели". Он не похож ни на кого из ранее виденных. И не хочется его ни с кем сравнивать..."

Затем — живое описание этой его роли и заглавной роли в "Ричарде III"... А потом — встреча спустя три года, неожиданное появление Джигарханяна, уже актера московского театра, с удачными ролями в театре Ленинского комсомола, с отличными киноролями... "Правду сказать, очень удивило — он помнит все наши бесконечные "бдения" и все, о чем мы тогда говорили, спорили..." — записывает Ира.

И еще три года спустя — июнь 1972, гастроли в Одессе театра им. Маяковского. И снова — описание всех ролей Армена Джигарханяна в спектаклях (которые она уже видела в Москве, сравнивает с тем, как идут они на стационарной площадке...). Особенно интересным показалось мне описание роли Левинсона в "Разгроме" по А. Фадееву. Как бы много не было написано об актере и человеке Джигарханяна, так о нем никто не писал — с такой степенью сопереживания.

Наверное, маленького тиража этой книжки не хватит для всех актеров, режиссеров, людей театра, чьи работы с такой любовью и тщательностью описаны в ней. Но еще важнее, чтобы прочли ее пишущие о театре — ведь так часто не хватает сегодня критикам сознания, что они не только судьи, но и свидетели, возможно, через годы эта их роль будет важнее всего остального.

В 1966 году, Ирина Шайкевич записала: "Очень хочется, чтобы здесь, в этой тетради, осталось какое-то хотя бы представление о том, что я видела. Ведь актерские работы уходят, и это безвозвратно. Всегда об этом думаю, когда вижу настоящих актеров театра..." Значит, все-таки писала она не только для себя, писала, подсознательно имея в виду будущего читателя. Потому и отдала эти шесть общих тетрадей своему другу Татьяне Щуровой. Но и такое отношение было: пишу для себя, пишу то, что думаю и чувствую, не для печати... Получилась книга искренняя и взволнованная, со своей внутренней драматургией. Талантливая книга.

Людмила ГИПРИХ.

Джаз для Самуила Маршака, переведшего Шекспира

Два года назад в нашем городе был осуществлен проект, достойный если не Книги рекордов Гиннеса, то энциклопедии "Джаз, XX век", вышедшей в то же время в Санкт-Петербурге. Ее автор — В.Б. Фейертаг, добрый друг и наставник одесских музыкантов — просто не успел достойно упомянуть его в своем труде. Владимир Борисович был одним из участников действия, его ведущим. А осуществил постановку грандиозной мистерии — "Духовного концерта" Дюка Эллингтона — фондатор современного одесского джазового движения Николай Голощапов.

Стихи Дюка Эллингтона с редким чувством стиля читал Заслуженный артист Украины Олег Школьник.

Позволю себе с гордостью признаться: с Николаем и Олегом меня связывают и любовь к джазу, и добрые отношения. Вот почему в течение двух прошедших с этого действия лет мы не раз обсуждали, какие же стихи будут органично сочетаться с джазовой музыкой. Если раньше композиторы и поэт были в одном лице — великого Дюка, то для новой программы предстояло отыскать самых разных авторов.

Поиск шел в разных направлениях. Я, к примеру, перечитывал сборники американских поэтов — от Роберта Фроста до Аллена Гинсберга... Случилось так, что мне пришлось ехать, а когда спустя некоторое время вернулся в Одессу, то увидел афиши, приглашающие на премьеру в зал Украинского театра: "Поэзия в джазовой оправе".

Шел на концерт, ожидая встретить пиричуэллс и речитативы негрятянских проповедников, диксиленд и ковбойский фольклор, бибоп и эпатажные строки битников... А услышал Шекспира и серьезные, камерные и симфонические джазовые сочинения — от классиков Дюка Эллингтона и Джорджа Гершвина до авангардистов (пусть умеренных) Тошико Акиеси и Рона Картера. Слушал вступительное слово Елены Шевченко и, откровенно говоря, с некоторой опаской ждал начала концерта. Воспе не потому, что сомневался в правомочности переложения Шекспира на язык джаза. Его обширное и многообразное наследие, как показало время, универсально. Пример тому — замечательные оперы, балеты, симфонические произведения, а в последние годы — фильмы, мюзиклы и рок-оперы, в том числе и недавно созданная в Одессе. Но Сонеты — самое личностное, самое исповедальное, самое лирическое, самое незащищенное проявление сущности Гения... Забегая вперед, расскажу: когда действие уже завершилось и оркестр играл как бы сам по себе, я подошел к Голощапову, отошедшему за кулисы, и он в ответ на вопрос: "Кто же выбрал именно Шекспира?" — с гордостью и нежностью, так, как это может сказать лишь Коля, произнес: "Ну, конечно же, Олег!"

Особо отмечу: атмосфера гордости за общее дело, готовности сделать все, чтобы не только блеснуть самому, но и подготовить успех партнера — вывести его на эффектное соло, царил в этот вечер на сцене и

передавалась залу, как это случается на редких по чистоте мыслей джазовых концертах. Тем более, если звучат сонеты Шекспира. В переводах Самуила Маршака они давно уже стали "народной русской поэзией", но Олег Школьник удивительным образом сумел придать камерной любовной лирике автора великого и ужасного "Ричарда III" чуть отстраненную филологическую интонацию. И это помогло ему преодолеть и жанровые, и временные, не говоря уже о чисто технологических, ступени. В этот вечер нас вновь поразили и покорили тембр голоса артиста, увы, не часто звучащий в проектах и спектаклях высокого ранга. Последний прорыв — "Контрабас" по Патрику Зюскинду. Заметьте — спектакль о Музыке, об ответственности Художника.

Я бы определил жанр действия, созданного Николаем Голощаповым и Олегом Школьником, как концерт. По определению — это состязание. Пусть единомышленников, но у каждого — своя партия. Голос, негромко читающий стихи, и мощь биг-бенда, да какого: одних саксофонов — семь, а не пять, как обычно. Мастерство Голощапова — дирижера и режиссера — оказалось на должной высоте помысла. Выразительные соло инструменталистов, слаженные ансамбли, тактичный аккомпанемент, мощное tutti — все это служило главной задаче: созданию джазовой оправы высокой поэзии.

В этом заслуга и руководителя оркестра, и солистов: Сергея Матвиенко, Олега Субботина,

Романа Дещенко (саксофоны). Вадима Паскаля, Андрея Савченко (тромбоны), Алексея Петухова (клавишные), Игоря Небоги (бас) и блистательного барабанщика Владимира Леонова.

Была в концерте и своя изюминка. Как известно, литературоведы веками спорят о том, кому же посвятил поэт вдохновенную любовную лирику, кто же был Смулгой Леди Сонетов — английская королева, знатная дама... А быть может, и вовсе — пленительный, как нынче говорят, собирательный образ... Одеситы дали свой ответ. Стихам внимали и отвечали на них джазовыми балладами, блюзами, ариями из опер и мюзиклов очаровательные юные певицы — питомицы Нины Вячеславовны Кравец, достойные самых престижных залов и самой взыскательной публики: Олеся Небога, Лилия Строчкина, Мария Торяник, Евгения Дасива.

Надо было видеть, с каким удовольствием два достойных джентльмена — Голощапов и Школьник — внимали яркому, воистину шекспировскому по темпераменту и проникновенности исполнению Олеся Жбанковой баллады Ронни Шеннона "Беби, я тебя люблю"...

Отремели аплодисменты в адрес всех участников этого великолепного действия, в том числе и продюсера Андрея Нейченко, без тщаний которого оно, быть может, и не состоялось бы. С поражающим сходством повторяется ситуация двухлетней давности. Ошеломляющий успех, эйфория нескольких последующих месяцев. Дальше — тишина? Неужели мы вновь повторим за великим Шекспиром грустную коду одного из прозвучавших сонетов: "То я богаче всех, то всех бедней..."

Феликс КОХРИХ.

О ПРИРОДЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ И ПРЕВРАЩЕНИЙ

Со времен обязательного среднего образования помню один замечательный закон физики: мол, если в каком-то месте чего-то там убавить, то в другом месте обязательно чего-то там прибавится. В общем, свято место пусто не бывает. В одной книжке так и говорится: "Род приходит, и род уходит..."

Из Одессы почему-то первой ушла скумбрия. Не захотела, неблагодарная, строить с нами светлое будущее. Первая диссидентка, она ушла за кордон без всякой визы, без таможенного шмона и доброго напутствия компетентных органов. На смену явились из вод Мирового океана всякие замороженные ее братья — хек, минтай и компания.

Потом куда-то запропастились колбасы наиболее съедобных сортов. Люмпеновская "Конская" какое-то время еще держалась за прилавок, но тоже недолго. А на свет явился культовый "бифштекс из гов. с одним яйцом". За бифштексом появился брекватер. Вроде бы для спасения родных берегов от коварных оползней. Может быть, свое дело он и сделал, да только крабы и другая мелкая живность не спаслись. А в пределах пятидесяти метров от берега водная гладь превратилась в филиал общественного туалета.

Зато появились "синенькие" — дистрофичные цыплята сиреневого цвета, покрытые неаппетитной слизью. Несмотря на слизь, запах и антисанитарный вид продавцов, эти чухлые зародыши довольно долго пользовались спросом у смирившегося с потерями в еде населения.

И лапша! Правда, она никуда не исчезла с 1917 года. Просто обрела новые названия и оседала на ушах в виде фраз о росте благосостояния родного народа.

Зато начали исчезать евреи. Ну, это понятно, куда. После непродолжительного отдыха в Риме и Вене они бодро пересекли Атлантику. Вследствие этого на Брайтон-Бич исчезли последние негры.

Зато у нас появилась новая марка лапши под названием "Мифы и реальность".

Потом исчезла водка. Слава Богу, не надолго. Слабым заменителем ее пытались стать "Прожектор перестройки", гласность, "Огонек" и "Новый мир". С появлением спирта "Рояль" и кооперативов жить стало веселее. Теперь "бифштекс из гов." стал "бифштексом из ком. гов., с тем же яйцом, но чуть-чуть дороже".

Скумбрия так и не вернулась, наплевав на перестройку, гласность, программу "Взгляд" и Коротича.

Продолжали исчезать евреи. Опять-таки знаем, куда. Сами провожали. Взамен явились "Баунти" в обнимку с "Марсом".

За одно утро растворился в беловежском тумане наш великий и могучий. Зато миру предстала в первозданной красе голая и босая Независимость — и все та же лапша.

Теперь почему-то напрочь исчезли дворные туалеты.

Опять появилась еда. Разная! Вкусная! Много! Бери — не хочу! Не хочу? Не могу! Дорого!

Пропали дворники. Зато теперь с нами по жизни идут плечом к плечу "Олвэйз", "Хаггис", "Бленд-а-мед" и кариес.

Горячей воды почему-то нет. Зато холодной — залейся и утопись. Мощно бьет из всех бюветов по желудку и кишечнику. Насколько она полезна, не знаю. Но варить лапшу, чтобы она изящной свисала с наших ушей, думаю, сойдет.

Вот с общественным транспортом — беда. То он есть, то его нет. То он платный, то он бесплатный. Теперь опять платный, да такой, что в дрожь кидает. Цена зависит от настроения изготовителя лапши. Ну, подорожали маршрутки на 25 копеек. Ну, накинем еще 25 для ровного счета. А за это благодетели наши закупят нам аэробусы для полетов на работу и базар. Быстро, никакой загазованности и никаких пробок в часы пик. Главное — научиться в нужном месте прыгнуть в затылок прыжке и своевременно дернуть кольцо парашюта.

Флай, Робин, флай! Счастливого приземления, пернатый!

P. S.

Воротится ли когда-нибудь скумбрия?

Георгий ИСАЕВ.